

ОЛЕГ ДИВОВ

В соответствии с Федеральным законом
от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противо-
действии экстремистской деятельности»
издательство вынуждено отказаться от
демонстрации изображения в зеркале
заднего вида во избежание уголовного
преследования.

**ОБЪЕКТЫ
В ЗЕРКАЛЕ
ЗАДНЕГО ВИДА**

Олег Игоревич Дивов

Объекты в зеркале заднего вида

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5011280

Дивов О. И. Объекты в зеркале заднего вида: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-63285-5

Аннотация

Если долго сидеть на берегу реки, однажды увидишь труп своего врага. Если долго стоять на конвейере, собирая автомобили, рано или поздно ты увидишь, как мимо плывут трупы твоих друзей. В прекрасном новом мире, где каждый сам за себя и место под солнцем можно добыть только бесчестьем, четверым молодым людям предстоит выбрать свой путь. Ложь, предательство, стукачество, подлость – иной дороги к успеху нет. Попробуй, не пожалеешь. Но если дружба и совесть дороже карьеры, ты найдешь другой выход. И когда в благополучном городе посреди благополучной страны шарахнет социальный взрыв, ты легко выберешь верную сторону. Все было ясно с самого начала, просто ты этого раньше не понимал. А в момент смертельного риска наконец-то заметил: объекты в зеркале заднего вида ближе, чем кажутся.

Содержание

Часть 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Олег Дивов

Объекты в зеркале заднего вида

To Irene, Michael and Andrew.

And to you, Donald, my dear friend.

Часть 1

Как это было

Это было время, когда весь мир принадлежал нам и будущее зависело только от нас. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю: это была молодость.

* * *

Я стоял на веддинге, собирал цитрусы. Так это называлось в курилке. Вообще-то, курилки не было. И веддинга. И цитрусов тоже не было.

Весело жили мы, заводские.

С заводом городу повезло, конечно.

– Это русская деловая хватка, – сказал однажды Кен Маклелланд. – Если долго сидеть на берегу реки, ожидая, когда мимо проплывет труп твоего врага, рано или поздно рядом построят завод.

– Ну да, мы такие, – согласился я. – Запиши, а то забудешь.

Кен записал.

Город наш делился на Левобережье и Правобережье. «Левые» работали на заводе, «правые» занимались всем остальным. Не по каким-то там идейным соображениям, просто слева до завода было близко, а справа – только через реку, сквозь вечную пробку на дряхлом узком мосту. Все кандидаты в мэры шли на выборы с лозунгом «Я построю переправу!». А потом на федеральной трассе в пяти километрах к югу отгрохали шикарный виадук. Те, у кого машины побыстрее, сразу его освоили. Так и старый мост разгрузился, и стало всем хорошо, особенно политикам.

– Это русская смекалка, – сказал Кен. – Если долго сидеть на берегу реки, ожидая, когда мимо проплывет труп твоего врага, рано или поздно рядом построят мост.

– Запиши, а то забудешь, – привычно согласился я.

Кен грустно покачал головой, но записал.

Его у нас долго не принимали всерьез. А потом как-то шли мы втроем – Кен, Михалыч и я, – тащили ржавое железо с кладбища автомобилей и наткнулись на стаю «правых». Вроде бы в восьмом классе мы учились, да, точно, в восьмом... «Правые» начали кричать нам всякое, как обычно бывает перед дракой. Ну и Кена пиндосом обозвали. А Кен этого очень не любил. Не был он пиндосом, честь ему и хвала. И дело тут не в обрусении – просто не был он пиндосом, и точка.

Кен тогда нес, как коромысло, на плечах реактивную тягу от «Жигулей». И пока мы с Михалычем думали, что бы «правым» ответить позднее, Кен схватил эту оглоблю наперевес, прыгнул вперед и заорал:

– Я Кеннет Маклелланд из клана Маклелландов! Сюда идите, правые-неправые, остаться должен только один!

«Правые» как упали, так еле встали. Ржали до икоты. Кена полюбили безоговорочно. Я молчу, что в нашей школе творилось, когда мы рассказали. Фурор и триумф. Кен выступил остроумно, а это ценится на обоих берегах реки; еще он наплевал на известный закон об оскорблении кого попало чем попало. Выразив готовность драться, Кен повел себя как парень, который не боится оказаться крайним, и это оценили вдвойне.

А из той правобережной стаи трое обалдуюв выросли офицерами дорожной полиции, кардан им в ухо. И теперь если Кен слегка нарушает – не по злему умыслу, а исключительно по обрусению, – эти ему говорят:

– Зачем же вы хулиганите, Кеннет Дональдович? Как же вам не стыдно? Не надо так. Иначе придется в следующий раз наказать.

А Кен им:

– Да работа у меня нервная. Больше не буду, честное слово. Ну как твой цитрус, бегаешь? Ты когда погонишь его на ТО, не забудь сначала мне звякнуть, я там знаю кое-кого, прослежу, чтобы все было хай-энд...

Ну полное взаимопонимание и дружба народов. А всего-то десять лет назад пообещал навернуть тупым тяжелым предметом.

Мы с Кеном были не просто «левые», а «левые» в квадрате – наши отцы строили завод. Естественно, мы оба на завод и угодили. С той разницей, что я стоял на вединге, а Кеннет Дональдович бродил вдоль конвейера, при галстук и с озабоченным лицом. Лицом Кен зарабатывал деньги. Галстуком он иногда, забывшись, утирал вспотевший лоб. Русских это умиляло, американцев смешило, а вот пиндосы на Кена стучали.

– Что за манера, твою мать, сморкаться в долбаный галстук?! – спрашивали Кена в дирекции. – Разве может так себя вести менеджер по долбаной культуре производства?!

«Культура производства» только звучит несерьезно. Не знаю, может, у вас так обзывается санитария на рабочем месте. А в нашей компании это и инженерно-креативный департамент, и гестапо сразу. «Культуристы» отвечают за долбаную эффективность. Страшнее ругательства, чем «эффективность», на заводе вообще нет.

– Я не сморкаюсь, – отвечал Кен. – Я вытираю трудовой пот. У меня работа нервная. Больше не буду, честное слово.

Кена штрафовали, он возвращался на конвейер и спрашивал линейного технолога Джейн Семашко:

– Какая падла?..

– В большой семье не щелкай клювом! – отвечала Джейн, выразительно поднимая вверх красивые глаза.

Кен затравленно обводил взглядом камеры слежения, потом ряды тонированных стекол под потолком – кабинеты начальства – и нервно тербил галстук. Джейн привычно давала ему по рукам.

– Оставь в покое удавку, – говорила она. – Пойдем на вединг, посмотрим, как там наши Мишки. Я буду следить, чтобы они все правильно делали, а ты – думать, как сделать так, чтобы они делали это лучше.

И они приходили и вставали у нас с Михалычем над душой.

Я был рад видеть ребят, да и к зрителям мы на вединге давно привыкли. Что инспекция, что делегация – первым делом все бегут к нам и торчат по полчаса в глубокой эйфории.

Есть в «женитьбе» некая мистика. Момент волшебства. Именно здесь автомобиль становится автомобилем. Недоделанной, но все-таки уже машиной. Понижу на вединг-пост выкатывается платформа: задний мост и передний модуль. Сверху приплывает кузов – чпок! – и поженились. И вот она, машинка.

А уж хорошенькая!.. Цитрусы, то есть, простите, «Циррусы» – симпатяги, облик у них условно «среднеевропейский», однако не зря к нему приложили руку итальянцы. Особенно

трехдверки удались. Глядишь, любишься – и видишь, какая пропасть между Европой и Россией. Мы можем красиво дизайннить только военную технику. Наши танки, вертолеты и самолеты исполнены такой гармонии – Кандинский бы обзавидовался. Но вот беда: когда у нас что-то отрисовано гармонично, оно сразу напоминает военную технику.

Если исходить из проверенного временем постулата «Всё – дизайн», выводы напрашиваются сами. Русские – нация очень добрых воинов. Мы бы всех победили, только нам их жалко, и вообще, лень оторвать задницу от лавки. И нечего стесняться. Может, это наше историческое предназначение: сидеть на берегу реки, вяло шкрябая точилом по дедовской катане, и ждать, когда мимо проплывет труп врага. А там, глядишь, придет кто-нибудь и завод построит...

В общем, я, русский воин, стоял на вединге и собирал цитрусы. А американцы смотрели. Молча. Оба знали, что такое конвейер, отнюдь не вприглядку, у Джейн была квалификация слесаря-сборщика С1, а у Кена полновесная С2, – и могли оценить четкость нашей работы как никто другой. И вякать мне под руку на вединг-посту они не посмели бы – несмотря на все свои инженерские полномочия. Даже по меркам нашего завода вединг показывал аномально низкий уровень брака. Завод был чемпионом марки, вединг – чемпионом завода, а моя с Михалычем смена была чемпионом среди чемпионов. Когда на горизонте возникали пиндосы, которым захотелось поглядеть, как шевелится конвейер под их мудрым руководством, тим-лидер буквально сдувал с нас пылинки. А то вдруг нам сейчас воткнут за некорпоративный внешний вид, мы из-за этого упадем духом, накосячим и испортим бригаде показатели.

Тяжко нам приходилось, честно говоря.

* * *

Конвейер, что называется, «сушит мозги». От монотонной работы на станке тоже сдуреть можно, но конвейер – нечто особенное. Его не остановишь на минуточку, просто чтобы отдышаться. Ты привязан к нему намертво. Он едет – и у тебя вслед за ним крыша едет. Поэтому рано или поздно ты начнешь злостно нарушать технологию, выполняя по две операции разом – крутить, допустим, левой рукой одну гайку, а правой – другую. Так можно выиграть по двадцать или даже тридцать секунд на каждой машине. Чтобы потом эти полминуты спокойно постоять в сторонке, «отдыхая», то есть оглядываясь, почесываясь, скаля зубы, подтягивая штаны, жалуясь на жизнь, ругая пиндосов, короче, совершая какие-то сугубо человеческие действия. Благодаря чему ты хоть ненадолго почувствуешь себя именно человеком, а не промышленным киборгом.

Мы себе такого позволить не могли.

За вечно хмурые физиономии нас обзывали «Дартами Веддерами». Мы в долгу не оставались: Темная Сторона Силы умеет ответить на дружескую шутку убедительно и отвратительно, – но чего греха таить, рожи у нашей «вединг-тим» и правда были каменные. Сосредоточенные донельзя.

В старые добрые времена на каждом вединг-посту суеилось четверо, а то и шестеро сборщиков. Сейчас мы с Михалычем плавно и, говорят, красиво орудовали вдвоем. Казалось бы, чего тут сложного – помочь Железному Джону совместить платформу с кузовом и завести с двух сторон рамы с гайковертами, проконтролировать момент затяжки да отправить машину дальше... Ну и кассеты с гайками вовремя заряжать. У робота трехмерный лазерный прицел, чуткие динамометры и соображалка на уровне среднего пиндоса. В общем, умный робот, но тупой. Если надо подвинуть детали на миллиметр, он просто снайпер. А как набежит полсантиметра от контрольной точки – Джонни либо впадет в панику, либо грохнет

кузовом о платформу, наделав царапин и заусенцев. Поэтому нужен за ним глаз да глаз и время от времени – четко рассчитанный дружеский пинок. Иначе «свадьба» выйдет боком.

Вот для того и были мы с Михалычем – два русских надсмотрщика при одном американском железном работяге.

На конвейере многие спасаются тем, что, пока руками шуруют, стихи читают про себя или песни поют. Но я знал: стоит мне задуматься во время бритья – порежусь самым безопасным лезвием. А завод тебе не ванная, здесь можно без руки остаться запросто. Сам по молодости едва не схлопотал травму, спасибо конвейеру за науку, обошлось драным рукавом... Когда я дорос до веддинга, думал, наконец расслаблюсь – «вкалывают роботы, счастлив человек», – а стало еще хуже. По закону подлости, едва отвлекусь, простейшие операции вдруг идут вкривь и вкось. Поэтому на работе я именно работал. Иначе меня давно попросили бы из сборщиков в уборщики. Вариантов просто не виделось: либо я буду хорош, либо никакой.

Михалыч страдал такой же парадоксальной криворукостью. Он тоже не мог работать плохо и тоже уставал. Мы считались по заводским меркам ветеранами, чувствовали, как необратимо глупеем, и не раз обсуждали, на сколько еще нас хватит. Решили пока дотерпеть до следующей весны: Вася-Профсоюз намекнул, что зимой нам светит турне по европейским заводам – показать немецким туркам и турецким чуркам, как надо веддить цитрусы. Если, конечно, будем и дальше правильно себя вести, с оглядкой на Кодекс корпоративной этики, то есть нарушать технологию незаметно, жаловаться на жизнь негромко и ругать пиндосов нематерно... «А Железный Джон с нами поедет? – спросил Михалыч. – У него же настройки индивидуальные. Мы его два года дрессировали. Мы без своего робота никуда». Вася оглянулся на тим-лидера, а тот глубокомысленно кивнул в ответ. Васю заклинило, он пообещал все уточнить и убежал в сторону дирекции. Курилка долго хохотала.

Курилки не было, я сказал уже. И веддинга, строго говоря, никакого. А уж цитрусов не было и в помине.

* * *

«Курилкой» называли зону отдыха. Естественно, там никто не курил. У нас вообще мало кто этим увлекался даже в нерабочее время. Чтобы узнать, какой штраф полагается за курение на заводской территории, пришлось бы зарыться в самую глубь трудового договора. Поговаривали, будто этот пункт давно хотели выкинуть, но воспротивился директор мистер Джозеф Пападакис. Человек старой формации, он иногда втихаря смолил на рабочем месте. И сам себя потом штрафовал.

Это, конечно, были только слухи: договор обязан предусматривать любые нарушения, вплоть до проноса на конвейер ядерной боеголовки. Джейн Семашко уверяла, что своими глазами видела в договоре параграф о запрете призывов к насильственному свержению власти – со вполне драконовским штрафом. Я пару раз напоминал себе проверить, не шутит ли она, но забывал. После смены было не до того: принять бы душ да упасть бы в койку.

Во сне я регулярно видел цитрусы. Иногда они женились.

За «цитрусов» нас драли с нечеловеческой силой. Веддинг, он на любом автозаводе планеты будет веддингом, как ты эту операцию ни обозначай в документах. А то, что русские зовут рекреационную зону «курилкой», господа начальники списали на местный колорит. Даром что сами, обрусев, поголовно этим колоритом страдали: кто в галстук сморкается, кто водку с пивом мешает, кто вообще болеет за питерский «Зенит»... Даже мистер Джозеф Пападакис, редкостный пиндос, и тот перешел с барбекю-гриля на шашлык.

Но вот слово «цитрус» на заводе было вне закона, хоть ты так апельсин обзови. Нельзя шутить с брендом. «Циррусы» в своей ценовой группе лучшие из лучших, и переверять их

славное имя хоть на букву персонал не имел права. А уж «цитрус» – это был прямой и явный наезд. Цитрус у пиндосов однозначно ассоциируется с «лимоном», каковой в американском жаргоне испокон веку значит одно: дерьмовая тачка.

Доходило до полного идиотизма: вы могли купить «Циррус» любого цвета при условии, что он не желтый.

Каким местом думал тот, кто утвердил это имя – раз пиндосы такие нервные, – осталось загадкой. Известно было лишь, что над названием перспективной марки, запускавшейся как «всемирный автомобиль», долго и мучительно размышляло супербрендовое рекламное агентство.

Может, в том агентстве окопались промышленные диверсанты, японские или китайские, черт их знает.

Русские охотно соглашались с тем, что «Циррусы» неплохие машинки, даже хорошие, а в своем классе – лучшие по соотношению цена – качество, но звать их цитрусами продолжали упорно и неизлечимо. Это была такая же местная болячка, как манера жаловаться на жизнь, нарушать технологию и ругать пиндосов. Весь город на цитрусах ездил, и весь город их так называл.

Однажды мы в курилке задумались: а как это выглядит в свете известного закона об оскорблении кого угодно чем угодно? И пришли к выводу, что тянет как минимум на глумление и издевательство, а как максимум – на информационный геноцид дирекции завода. Ну действительно, целый город тебя чморит, твои же сотрудники чморят, а ты – стой, обтекай, потому что Кодекс корпоративной этики имеет силу только до проходной и ни на шаг дальше... Но ребята из юридического отдела шепотом намекнули, что пока дирекция не готова признать себя религиозной сектой или сексуальным меньшинством – фиг ей, пускай обтекает.

Когда в прошлом году мистер Джозеф Пападакис, наливаясь кровью от похоти, торжественно вручил ключ от красной трехдверки Машке Трушкиной, нашей Мисс Города, та подпрыгнула, захлопала в ладоши и радостно заорала в микрофон:

– Ой, цитрус!!!

Прямой эфир шел на всю губернию. Директор чуть в обморок не хлопнулся. Назавтра торжественный момент показали в федеральных новостях – уже без звука. Пиар-службу лишили премии за подрыв авторитета марки. Пиарщики дико разозлились на красавицу и пообещали, что следующий приз от завода ей разве что в гроб положат. Машка в ответ только хмыкнула. Она была не заводская, а из управы Правобережья – эти волки сами кому хочешь устроят веселые похороны. От них только реактивной тягой и отмахиваться. Отец мой вспоминал: при Советской власти правый берег играл в карты на левобережные садовые участки и вырубал их – буквально, топорами – под корень. Шутка ли, до сих пор именно «правые» поставляют городу всех полицейских, торговцев и политиков. Говорю же, волки. Мы бы им, конечно, вломили, найдись только повод, нам просто делить нечего. У «левых» завод, у «правых» все остальное: идеальный симбиоз. Завод накроется – Правобережью тоже не жить. Как бы выразился Кен Маклелланд: если долго сидеть на двух берегах реки, ожидая, когда мимо поплывут зловещие мертвецы, рано или поздно люди с разных берегов поймут, что у них общие интересы.

Надо будет сказать Кену, пусть запишет.

* * *

Кен на завод не собирался. И я не собирался. Михалыч только хотел: потому что там гоночная команда, а в нее помимо завода никак. Еще у Михалыча были далекоидущие планы насчет Джейн, а та на завод нацелилась однозначно – ради важной строчки в буду-

щем резюме: «слесарь-сборщик». Мол, я такая синдерелла, начала карьеру с гайковерта, руки в трудовых мозолях, а попа в синяках. А что мой отец резал тут красную ленточку вместе с Доном Маклелландом, это нелепая случайность, он просто мимо проходил. Короче, зовите меня Мисс Американская Мечта... Сказала, в тридцать лет стану вице-президентом, а в сорок передо мной вся мировая автомобильная промышленность шляпу снимет. Я вот падлой буду, покажу вам, мужским шовинистическим свиньям, как женщины делают культовые машины. И лучшего старта, чем в России, сейчас не придумаешь, тут можно быстро вырасти... Михалыч эту тираду выслушал, и лицо у него стало такое, будто он уже ревнует к Джейн весь мировой автопром. Так они, под ручку, на конвейер и двинули – познавать снизу вверх профессию, учиться нарушать технологию и ругать пиндосов. Только Джейн с конвейера шагнула в институт, где мигом выскочила замуж; а Михалыч – в «Формулу Циррус», где от избытка чувств хлопнул первый же свой боевой цитрус так, что остались одни колеса, и те кривые.

Джейн вернулась с дипломом уже разведенная – бешеный темп набрала подруга, все успела, нам бы столько здоровья. А Михалыча списали из-за травмы спины в механики, и насколько мне известно, он с женщиной своей мечты по сей день даже не поцеловался. Только глядит на нее мокрыми глазами. Джейн говорит, он слишком похож на большую мягкую игрушку – с такими не спят. Откровенничает она, понятно, не с Михалычем, жалеет его. Я пытался намекнуть, что это не жалость, а издевательство и лучше бы они объяснились раз и навсегда, но от Джейн мои советы отскакивают. Похоже, ей нравится держать большую плюшевую игрушку поближе к себе. Игрушка-то хотя и травмированная, а когда малость замечтается, гаечные ключи гнет одной левой.

А Кен у нас способный очень, но увлекающийся. Пока его папа Дон Маклелланд строил и налаживал завод, Кен успел дурака повалить во всех направлениях – и на гитаре играл, и страдал вместе с нами гаражным тюнингом, и даже изучал дзен-буддизм. И все парню легко давалось, с полуоборота, нашелся бы повод. Кен русский знает лучше меня только потому, что еще в раннем детстве ему понравилась буква «Ы».

А я, наоборот, по жизни узкий специалист. Я рисую, вообще-то. На самом деле это непростая комплексная профессия – и жестянка, и малярка, и еще до черта всего, – ведь я пишу не на заборах, а на автомобилях. Но если в двух словах – ну, рисую. В местной художественной школе мне неплохо поставили руку, да и отец-архитектор дрессировал ребенка. Получив аттестат, я рванул в столицу, довольно легко там поступил, год было очень интересно, а потом стало ясно, что уже не интересно. Не готов я оказался к глубокому погружению в историю искусств. Пришлось вернуться домой и погрузиться для начала в Вооруженные Силы на годик.

Художник в армии человек важнейший, без него войска просто небоеспособны: сами подумайте, ну вдруг война, а у нас не нарисовано ни фи́га – ни с кем воевать, ни зачем это надо. Год в автобате пролетел со свистом, и мало того, что я ни разу не сел за руль своего грузовика, так еще и пострелять не дали толком. В отместку, когда мне заказали агитационный плакат во всю стену бокса, я там забацал шикарного русского солдата с физиономией Кеннета Маклелланда, вероятного нашего противника – чтоб он был здоров, натовская гадина. Солдат понравился начальству, но лично мне чего-то в рисунке не хватало, и перед самым дембелем я украдкой набил на могучем кулаке воина синенькую татушку «FUCK YOU». Вспомнил, как было однажды в школе: Кен парень незлобивый, даже слишком, но разок его достали, и он эту надпись изобразил гелевой ручкой. На перемене сунул оппоненту под нос левый кулак, и пока тот читал, дал ему с правой в челюсть... Я сфотографировал рисунок на память – и уволился, очень довольный собой.

Кен в это время с мамой-папой отбыл на историческую родину. Завод вышел на проектную мощность, Маклелланд-старший собрался домой и подумал, что неплохо бы сыну

вспомнить Америку, откуда Кена еще ребенком выдернули, а заодно и высшее образование какое-нибудь освоить. Пока он тут не обрусел вконец и не поставил скамейку на берегу реки, чтобы вместе с одноклассниками ждать, когда враги России приплывут.

И, значит, возвращаюсь я из армии – и кого вижу? Правильно, Кеннета Маклелланда собственной персоной.

– Я там не смог, – говорит. – Вроде комфортная страна, а людей – в упор не видно. Добрый народ, но какой-то неживой. Они все будто пластмассовые. Гладкие, ухоженные и ни грамма пассионарности. Ничего похожего на книжки наших классиков. Пиндос на пиндосе.

– Погоди-погоди, а в университете?.. Там же особенная публика должна быть, креативная, заводная, как раз для тебя.

– Креативная, ага... Они все в тренде, понимаешь? Они красивые и веселые, загляденье просто, только у них уже мозги заточены под узкие задачи. А если кто-то смахивает на гения и фонтанирует нестандартными идеями... Пригляделся я к ним. Самые обычные раздолбай и болтуны. В России такой непризнанный талант валяется в каждой луже.

– На правом берегу, – уточняю я.

– Чего?..

– На правом, – говорю, – берегу реки спят по лужам наши Гейтсы и Джобсы. Потому что на левом все непризнанные таланты крутят гайки. Собирают цитрусы. На конвейере. Напомнить, кто выдумал конвейер? И кто выдумал цитрусы, если уж на то пошло?..

– Конвейер – это когда было! А цитрусы как раз на сто процентов в тренде... Нет, может, я и ошибаюсь, но такое впечатление, будто весь американский креатив ушел давным-давно на программу «Аполло» и мы тогда надорвались. Ведь умели залезть в болото, отгрохать там космодром и ломануться из болота прямо на Луну! А потом народ сказал: хватит выпендриваться. И мы спеклись...

Ничего себе, думаю, обрусел парень. У нас каждый второй, как поддаст, такие же монологи задвигает про «Россию, которую мы потеряли». Где Курчатовы, где Королевы и Калашниковы, в какую канаву упали все Гагарины, что вообще за бардак? Когда уже русские оторвут задницу от лавки, возьмутся обеими руками за ум, изобретут спутник, водку, соцреализм и супрематизм? Где наши балалайки, медведи и самовары, в конце концов?!

А Кен знай пиво хлещет и проповедует:

– Раньше Америка каждый год придумывала штуки, которые казались невероятными, хотя на самом деле очевидны. Нужна была только смелость не оглядываться на тренд. Пока русские сидели в танках на берегу реки и ждали, когда мимо поплывут трупы натовцев, мы внедрили кучу полезной фигни, без которой сейчас жизнь немыслима, – типа язычка на банке с пивом, скотча, карточки «Дайнерс Клуб» или Интернета. Любой дурак в Европе мог это выдумать! Оно же само напрашивалось! Просто вся эта фигня на момент изобретения выглядела непривычно. Но мы не боялись ломать старые тренды и задавать новые. А теперь мы опиндосились и боимся. Будь как все, сделай лицо попроще, верь в светлое будущее, которое обещала партия. Чистый Советский Союз, как по учебнику, прямо страшно. Выродилась нация, что ли. Одни чурки суетятся, лимита драная...

– Совсем ничего хорошего, что ли? – спрашиваю.

– Только потрахаться, это без проблем. Но ведь с ними после совершенно не о чем поговорить! Нет, я лучше тут буду. Тут хотя бы похоже на книжки ваших классиков. Хотя бы понимаешь, что нельзя расслабляться, потому что в любую секунду все может накрыться медным тазом. Это мотивирует, не правда ли?

– Знаешь, Маклелланд, – говорю, – по-моему, Россия тебя испортила. Ты слишком долго сидел вместе с нами на берегу реки. Завел бы хоть врагов для начала.

Кен подумал и отвечает:

– Враги сами приплывут. Зато поблизости уже построили завод!

И ждет, чего я на это скажу, хитрая нерусская морда.

А меня вдруг тоска берет. Это чтобы на заборах рисовать, ничего особенного не надо, а с моими запросами – прямая дорога на завод. У нас все, что связано с автомобилями, крутится вокруг него. Там я найду полезные контакты, да еще и заработаю в поте лица своего начальный капитал. Там Михалыч, друг сердечный, прямо с конвейера идет в мастерские гоночной команды и успел уже всем растрепать, как я здорово рисую. В автоспорте художник – человек важнейший, без него команда просто небоеспособна: ну сами подумайте, вдруг ехать надо, а у нас не нарисовано ни фига – ни кто едет, ни за чьи деньги едет...

В конце концов, Михалычу на заводе скучно без меня. И Кену будет скучно без меня.

И я люблю автомобили, черт возьми, и вовсе не против делать их своими руками, а маленький был – так просто мечтал. У нас это в порядке вещей, мы ведь «левые». Все нормальные парни из гаражей с Левобережья хоть недолго, но постояли на конвейере. Это как в армию сходить – знак левобережного качества. Правда, сейчас заводские ругают пиндосов еще больше, чем раньше, но я-то знаю американцев как облупленных. И нездоровая обстановка на заводе меня не пугает. Я отвечаю на нее здоровым цинизмом. Нам с Кеном главное – держаться рядом, побыстрее освоиться на конвейере и прибиться к Михалычу. На Кена не разинет варешку ни один пиндос, на меня – ни один русский. Потом еще Джейн придет, и сложится у нас мафия всем на зависть.

Только вот... Была в этом некая обреченность. Покорность судьбе. Все вокруг хотели на завод, ну прямо каждый, а мы с Кеном эту детскую мечту уже переросли. Может, научились глядеть дальше и видеть больше. Но внезапно и для нас пропел гудок заводской, как говорится...

– Ладно, – сказал я, – пойдем, склепаем для себя пару цитрусов.

В общем, мы еще немного выпили и двинули на завод.

* * *

Есть фотография, на которой мы рядом все четверо – одноклассники, выпускники, празднично одетые и очевидно счастливые. Кен: стройный, широкоплечий, лицо не по-русски прямоугольное, но очень привлекательное – харизма, что тут скажешь, – пронзительно-голубые глаза, непокорные вихры цвета темного меда. Михалыч: громадина эдакая, типичный фольклорный богатырь, красавец, пепельный блондин, словно с картины Зверева, он даже стоит как-то осторожно, чтобы ничего не сломать, и при этом неуволимо похож на большую мягкую игрушку – видно, что добрый человек. Джейн: чуть вздернутый носик, четко очерченные скулы, уверенный ярко-зеленый взгляд, неповторимый, единственный в своем роде, которым она прямо-таки режет пространство; роскошные кудри цвета пива «Гиннесс» и лучшие ноги левого берега, а может, и правого заодно. И чуть-чуть ближе к Джейн, чем прилично для просто друзей, – я. Самый, пожалуй, неказистый из четверки и смотрю в объектив немного смущенно: не люблю фотографироваться, не люблю себя на фотографиях. Темно-коричневые волосы, черты лица слишком четкие и правильные, чтобы быть интересными, – разве что серые глаза хороши. Внимательные глаза.

Я вижу ими такое, чего не замечают другие.

Если бы я еще научился понимать, чего вижу, – цены бы мне не было. Но понимаю я, извините, всегда задним умом и как-то невпопад.

Привык утешаться мыслью, что у меня другие задачи – схватывать образы, ловить оттенки цвета, останавливать мгновения.

Думать быстро, оценивать на раз-два, анализировать с ходу, знать суть событий – это к Кену и Джейн.

А просто получать от жизни ничем не замутненное удовольствие – это к Михалычу...

По тому, как наша четверка выстроилась на фото, сплоченной командой, может показаться, что мы знакомы с пеленок, но это не так.

Даже по фотографии заметно, что Михалыч тут был всегда и здесь останется: столп местного общества, гордость или позор Левобережья, в зависимости от настроения, а по пятницам ближе к ночи – и великая гордость, и несмываемый позор сразу.

С Кеном и Джейн понятно: заезжие ребята. Адаптировались, вписались, обрусели, но вряд ли надолго задержатся тут. Граждане мира, для них все дороги открыты.

А по мне ничего не поймешь, ведь я вообще реэмигрант, если можно так выразиться. Успел здесь появиться на свет, но уже через год меня увезли в Москву. Для моих родителей в городе просто не хватало работы. Кто знает, когда бы я оказался тут вновь, не будь у отца контактов с московским филиалом компании и не обрати на него внимание Дональд Маклелланд. В один прекрасный день папа пришел весь сияющий, будто ему орден дали, и сказал маме: «Ну вот, наконец-то мы пригодимся дома!» Мама вовсе не бросилась ему на шею, как вы могли подумать. Но потом они пошушукались, что-то прикинули на пальцах, сосчитали на калькуляторе... «Он все равно учился бы в этой школе, – донесся с кухни голос отца. – Считай, это судьба». А мама очень едко ответила, что вырасти гопником с левого берега никакая не судьба, а проклятье, и еще добавила пару эпитетов, которые я не рискну повторить в свете известного закона об оскорблении всякой твари чем попало.

Что за профессия «гопник с левого берега», я не знал, но сразу понял: это нечто крайне увлекательное, раз до такой степени не нравится маме.

В пятый класс я пошел на том самом левом берегу реки, только гопника из меня не получилось. Манеры, конечно, испортились заметно: этот город учил отвечать на грубость веселой грубостью, а на наглость – утонченным хамством, иначе будешь вечно бит. Но все-таки трудно стать неприкаянным хулиганом, когда за партой справа от тебя сидит двинутый на автомобилях силач Миша, слева – двинутая на автомобилях красотка Джейн, а сзади – интеллектual Кен, чисто для разнообразия не двинутый на автомобилях сегодня, потому что был двинут вчера.

Джейн уже тогда знала, чем будет заниматься через десять лет, и очень забавно об этом рассказывала на своем еще ломаном русском. Михалыч уже глядел на нее влюбленными глазами – и тоже знал, чем будет заниматься. И я про свое будущее кое-что знал. Один только Кен, для разнообразия, не знал, то есть вчера знал, а сегодня передумал.

А на окраине города заколачивали со смачным грохотом сваи – кто бы мог подумать, что это гвозди забивают в наши судьбы.

Кто мог подумать, что прекрасные светлые цеха, куда нас с гордостью будут водить за руку отцы, станут для их детей форменной топкой. Печью, где дети спекутся в шлак.

И дети сами, по доброй воле, нырнут в эту геенну огненную, полные светлых надежд и радостных предчувствий.

И очень долго, поразительно долго, им будет там очень хорошо, лучше некуда...

Когда мы пришли на завод, нам казалось, что у нас нет иллюзий. Мы были заранее хорошо информированы. Готовы столкнуться с любыми пиндосскими штучками. Знали, как себя вести. Легко вписались в обстановку, ничему не удивлялись, на все смотрели с юмором.

Пока не выяснилось, что если в Америке ты работаешь на заводе, то в России завод работает на тебе. И ты напрасно учил правила игры, надеясь всех перехитрить и сохранить чистую совесть, «отвечая на идиотизм здоровым цинизмом». Правила изменят, потом изменят еще и еще раз, пока ты не споткнешься.

А сама игра будет прежней – игрой на выбывание.

Должен был остаться только один.

* * *

По Станиславскому, если на сцене в первом акте висит ружье, в третьем оно обязано выстрелить. По жизни, к третьему акту ружье либо сломают, либо потеряют. Версия для Правобережья: украдут и продадут. Версия для Левобережья: отпилят ствол и воткнут под задний бампер. Посмотрят, решат, что получилось некрасиво, оторвут и выбросят.

Но то по жизни, где бывают варианты: один на кресте помер, другой тоже помер, а третий потом воскрес и по сей день баламутит народ. На производстве вариантов нет: либо ты в игре, либо тебя не взяли. На завод приходишь, как актер в театр, и роль твоя по пьесе известна, и реквизитор уже повесил ружье. И хоть ты бездарь, хоть ты гений, ружью это параллельно: оно висит над тобой, напоминая о бренности всего земного, – и под конец спектакля непременно стрельнет. Гении на ружье не оглядываются. Бездари не сводят с него глаз. Вот и вся разница.

Ружьем у нас выступал отдел кадров, он же «отдел русского стаффа». Кадры решали все: они проверяли кандидата на входе в компанию, и от них же зависело, когда сотрудника попросят на выход. Нам, понятно, вдалбливали, что хороший парень всегда на хорошем счету и ему волноваться не о чем: соблюдай Кодекс, не нарушай, не жалуйся, не ругай... Но публика давно заметила: фиг там. Известные болтуны и признанные хулиганы могут отделаться штрафами – если болтовня умеренно обидна для пиндосов, а дурацкие выходки случаются подальше от конвейера. А незаметного трудягу вдруг уволят очень вежливо без объяснения причин, и он не поймет, за что, и никто не поймет. А другой сам уволится, выразительно молча, и только в ответ на прямой вопрос кивнет (просто кивнет, без лишнего слова): да, вызывали к кадровику и посоветовали уйти по-хорошему. И тоже не поймешь, в чем его вина.

Логика кадров не поддавалась логике. Поэтому русский стафф побаивался их – как боятся неведомого. Работали в кадрах серенькие незаметные клерки, все на одно скучное лицо, и оставалось оно небитым именно из-за страха. Михалыч говорил, что, как увидит менеджера по персоналу, сразу чешется рука отрихтовать менеджеру персоналию – но боязно. А уж если Михалычу боязно...

Удивительным образом шеф этого страшного отдела, тучный веселый дядька, был среди русского стаффа популярен и даже, не побоюсь сильного выражения, любим. Манеру общения предпочитал грубовато-ласковую, хотя мог и морозу нагнать. Считали его чуть ли не защитником угнетенного рабочего класса от пиндосских капиталистических сволочей. Кстати, имелись к тому предпосылки, о чем при случае расскажу.

Так или иначе завод был новый, стафф молодой, никто тут еще не успел доработать до пенсии, а пессимисты говорили: никто и не доработает. Всех раньше выгонят. Мы же для пиндосов – туземцы, расходный материал. Им на родине запрещают негров чморить, вот они и отыгрываются на русских... Оптимисты из числа пессимистов уверяли, что выгонят и пиндосов, даже мистера Джозефа Пападакиса. Пиндосы, они такие – никого не жалеют.

Кен считал, что это все нарочно. На его взгляд, «отдел русского стаффа» был шикарным профессиональным театром посреди унылого любительского балагана.

– То есть, может, и не нарочно. Но я бы именно так все устроил, чтобы держать местных под контролем. Вспомни, мы это в школе проходили: ужасный НКВД и добрый товарищ Сталин... И гонят работников, готов поспорить, действительно бессистемно. Пальцем ткнут не глядя – и гонят. Чтобы страшно было!

– А ты отца спроси, – предложил я. – Он должен знать. Ведь кадровик со своей командой здесь с самого начала.

– А ты кадровика спроси, – парировал Кен. – Он ведь нас еще во-от таких маленьких запомнил, когда мы по стройке лазали...

Ну, допустим, не такие уж мы были маленькие. Потому что Михалыч тогда упер со стройки двадцатикилограммовый блин-противовес от подъемного крана. Не угадаете зачем. Просто чтобы знали пиндосы: этот народ не победить. Хотя лично я сомневаюсь, что пиндосы уловили наш месседж.

Запись камеры слежения – юный грабитель бежит с дурацким блином по территории – стала хитом местного телевидения. Как символ нашей бессмысленной удали и, только не смейтесь, того, что «этот народ не победить». Отец мой тогда сказал: была в его детстве передача «Социализм глазами зарубежных гостей». А сейчас мы наблюдаем следующий этап вращающегося Родины в общемировой контекст: «Идиотизм глазами зарубежных гостей».

А мама спросила: надеюсь, ты не знаешь этого мальчика?..

Хорошо, там лица не видно, а то Михалыч скромный очень.

Он-то с блином – убежал...

Но вот шутки шутками, а действительно не у кого узнать, почему все так странно и непонятно. Маклелланд-старший отмолчится хотя бы в воспитательных целях, он любит подбрасывать младшему задачки, и пускай тот сам барахтается: глядишь, все-таки менеджером вырастет. А к кадровику приставать, чего он тут развел драму и комедию, совсем нелепо. Ему на глаза лишний раз лучше не попадаться. Не дай бог припомнит, как мы блин воровали, и как все тогда ржали над нами, и Дон Маклелланд, утирая слезы, приказал: в порядке исключения – забыть этот случай, а то парней из школы выгонят. А кадровик в порядке исключения – вспомнит и подумает, что таких балбесов надо увольнять с завода, пока они не устроили из театра цирк. А то вдруг мы унитаза или табуретки потащим через забор, чтобы доказать пиндосам непобедимость русского народа.

Приняли-то нас в театр без вопросов.

Но дамкловое ружье висело на сцене, и мы не были такими уж вовсе гениальными актерами, чтобы не оглядываться на него хоть изредка.

А оно держало на мушке каждый наш выход.

* * *

Правильный театр начинается с вешалки, а правильный завод – с учебного центра. И вот это оказалось действительно сильное шоу, которое я по сей день вспоминаю с теплотой. Небольшой цех, а в нем – действующая модель автозавода, где все правильно, все друг друга уважают и все заодно. Прямо-таки идеальное производство, и неважно, что автомобильное, могли хоть утюги собирать, главное, атмосфера человеческая.

А ведь ничего особенного не делали: просто работали. Может, это и было особенное: просто работали, не отвлекаясь на ерунду – «совещания по эффективности», конкурсы на самый высокий тим-спирит, внезапные проверки знания Кодекса, семинары по улучшению всего и тренинги по закладыванию ближнего своего... Но остальное-то копировало завод в точности и ни капельки не напрягало. Нас с первого дня приучали к чисто техническим атрибутам заводского образа жизни: входные рамки, камеры слежения, запрет на гаджеты и так далее. Вплоть до того, что иногда поблизости возникал настоящий пиндос – то технолог, то «культурист». Пожимал руку преподавателю, вставал у поста, делал умно-снисходительное лицо и молча наблюдал, как мы роняем гайки и опасно машем инструментом. Чтобы мы привыкли и в дальнейшем не отвлекались: глядит и глядит, у него должность такая, а ты крути болты эффективненько и гордись собой.

Помню, однажды пришел менеджер с улыбкой во всю нерусскую морду, чем-то неуловимо похожий на Кена, хотя помельче во всех смыслах – и харизма слабовата, и в плечах

узковат. Почти настоящий американец, просто то ли порченный, то ли кишка у него тонка. Но позитивный не для галочки, живой парень, это видно. Стоит, наблюдает, как мы ковыряемся, а потом говорит человеческим голосом:

– Привыкайте, ребята, привыкайте. Скоро на вас иностранные делегации будут смотреть.

И ведь не соврал, пиндосина.

Я потом спросил учителя: кто такой красивый осчастливил нас своим вниманием? А тот ухмыльнулся как-то странно: большая шишка на ровном месте, целый помощник директора по культуре производства. Хороший парень, хороший, уважает рабочих, хе-хе... И Кен тоже хмыкнул. Будто чего-то знает. Я его толкаю, а Кен мне шепотом: понимаешь, этот Рой, он не всегда такой был, а считался на заводе самой зловредной пиндосиной, от него свои по углам прятались. И научили его любить туземный пролетариат в директивном порядке. Но это очень личное, не спрашивай, не могу ответить. Говорят, он до сих пор таблетки жрет, вот и добренький такой.

Бог знает, как его научили, он ведь начальник, это диагноз, который не лечится. Хотя Дон Маклелланд, если верить заводским легендам, исцелял нерусский штафф от вредных привычек и дурных манер одним ласковым взглядом, под которым пиндосы становились как шелковые и проникались любовью к пролетариату... А нас, кандидатов в сборщики, форменным образом натаскивали на уважение к себе и к заводу. Как приучали выполнять операции, так же приучали к высокой самооценке. И чем легче шла работа, тем легче мы верили в себя и компанию. Ты хороший, напарник у тебя хороший, с мастером вам повезло вообще, менеджера прислали из самой Америки самого компетентного, а машины мы делаем, ну скажем скромно, без пафоса – лучше всех. Охрана бдит, обед готовится, полы блестят, унитазы сверкают, зарплата самая высокая в регионе, ну чистый коммунизм. Ура, товарищи.

Черт побери, ведь так и было.

Кстати, интересный момент, только сейчас я сообразил: ведь в «учебке» никто не нарушал технологию, не ругал пиндосов и уж точно не жаловался на жизнь.

Много позже в курилке один из мастеров обмолвился про удивительную атмосферу «учебки»: вот так оно было при Дональде на всем заводе... И осекся. Но народ понял намек. «Учебка» сохранилась в том же виде, как при Доне Маклелланде. Задачи ее не изменились, команду не перетряхивали, вот она и не испортилась. Даже стала лучше: отсеб кандидатов снижался год от года. Так насобачились мотивировать русского человека, что из последнего раздолбая могли сделать приличного сборщика. Точнее, раздолбай сам из кожи вон лез, чтобы соответствовать корпоративному стандарту.

Об учебном центре мы с Кеном знали мало, а о порядках там – и того меньше. Михалыч просто не сумел объяснить, каково это – когда тебя берут в оборот и начинают плотно тобой заниматься. А Джейн, со свойственным ей инженерным взглядом на все хорошее, рекомендовала нам из своего институтского далека только ежедневную гигиеническую процедуру: ощупывать уши и снимать с них лапшу.

Я лапшу-то страхивал, но все равно было здорово. Особенно после армии, где любого по умолчанию держат за бестолковое дитя, от которого только и жди, что оно случайно застрелится и тогда всех накажут. Офицеры в этом смысле сами были чистые дети: ничего они так не боялись, как взбучки от старших начальников. Понятное дело: вот выгонят тебя, тридцатилетнего капитана, из армии – и куда идти? Считаю, жизнь заново начинать, с чистого листа переписывать...

А с завода вылетишь – не трагедия.

Это я так думал, пока всерьез не прикипел к работе сборщика, которая, считается, для тупых.

Оказалось, настоящие тупые долго не выдерживают: дуреют окончательно и теряют способность выполнять даже простейшие операции. Вдруг у них все из рук валится. И тогда они уходят, непременно сказав на прощанье, что конвейер – только для тупых и вообще настоящему мужику на заводе делать нечего.

Оказалось, целый набор волевых качеств нужен для рабочей профессии.

Чтобы мы ее оценили по достоинству, нас обрабатывали с первого дня.

В учебном цеху нас встретили, как взрослых ответственных людей, которые нацелились на взрослое ответственное дело. Сразу объяснили, что далеко не каждому это дело по плечу. Да, есть разные операции, и в процессе учебы выяснится, кому какие даются лучше. Но есть и общие требования ко всем кандидатам. Они нешуточные. Это выдержка и собранность, четкость и ловкость, а еще постоянная готовность к нештатной ситуации. И вот таким крутым придется быть не для понта, под настроение, а час за часом, до посинения. Случалось водить машину на большие дистанции? Ну, тогда вы примерно знаете, что от вас надо. Верная рука – друг индейца. Чингачгук – большой змей. А кто отсеется, пусть не расстраивается: просто у него психика тонкая и легко истощаемая – может, он в душе художник.

Знали бы они, какие стальные нервы и верные руки требуются художнику... Ну, я не решился выступить на этот счет и очень правильно смолчал. Нас там поначалу специально провоцировали, чтобы сбить лишнюю спесь. Только ляпни: мол, крутить болты может любой дурак. Через минуту ты на собственном примере убедишься, что любой дурак может крутить далеко не любые болты и все равно получается у него плохо. А тебе-то надо крутить всякие, и крутить только на десять баллов с плюсом.

Но провокации провокациями, а в глазах учителей я видел спокойную уверенность и надежду, что из меня-то уж точно выйдет толк. Как они умели так смотреть на каждого новобранца – поражаюсь до сих пор.

И все здесь было настоящее. Не было макетов гранат и холостых патронов, если вы понимаете, о чем я. Реальные сборочные посты, кусок реального конвейера, реальные детали машин – и когда наша учебная смена собрала от начала до конца первый свой цитрус, он тоже был настоящим!

Нас тогда всех накрыло какое-то непередаваемое счастье. Мы сделали машину! Учителя нам хлопали, и смена в ответ взорвалась аплодисментами, приветствуя собственный трудовой подвиг. Цитрус мы немедленно развинтили в клочья, а потом опять свинтили, и остались только те лишние детали, которые нам нарочно подбросили. Мы уже до того осмелели, что не испугались, а поспорили с учителями из-за них. После чего вместе, едва не в обнимку, направились в пивную и так же ответственно, по-взрослому, как собирали машину, – наклюкались. Без шума и пыли.

А потом уселись на берегу реки, и Михалыч посмеивался, слушая, как мы с Кеном кричим в телефоны, один по-русски, другой по-американски, одинаковые слова: папа, я собрал машину! Настоящую машину!

Помню точно: это был белый хэтчбек-пятидверка в базовой комплектации.

Михалыч хотел позвонить Джейн, рассказать, какие мы смешные, но сообразил, что девушка замужем, а время позднее, и застеснялся.

Тут Джейн сама нарисовалась в эфире и говорит: ну сколько можно ждать победных реляций, уже вся смена ваша отметилась в интернетах, хвалясь крутизной, – а вы небось, три обалдуя, квасите на берегу реки? И как ощущения? Матрица сцапала тебя, Нео? Жизнь прекрасна и удивительна?

– Это в Америке Матрица имеет тебя. А в России ты имеешь Матрицу! – сообщил я, надуваясь от гордости.

– Дурак ты, – сказала Джейн. – погоди, она тебя так отымеет, что глаза на лоб полезут... Кен не слышит?.. Вот увидишь, когда вам будет по-настоящему трудно, Кен отойдет в

сторону. Найдёт выход, прыгнет с крючка. Он такой, у него все получается легко. А вы-то, Мишки, мишки вы мои плюшевые, совсем другие. Вы из тех, кто стоит до конца. До нарботки на отказ. Это неправильно. Я не хочу... Не хочу, чтобы вы ушли с завода сломанными.

– Ой, да ну тебя... Ну что ты, честное слово...

По-моему, она была бухая. Куда более, чем мы.

– Не надо вам было идти на завод вообще, – сказала Джейн. – В принципе не надо было. Ну ладно, это уже бесполезно... Короче, ты когда встанешь на конвейер, пройдёшь его весь, поймёшь его – не задерживайся. Ни одного лишнего дня не оставайся там. Либо бросай завод, пока он тебя не выбросил, либо делай как я. Слышишь меня?

– Слышу...

– Ты подпишешь Кодекс – и все станет очень серьёзным, Миша, поверь. Шаг вправо, шаг влево... Очень жесткие рамки. Очень жесткая игра. И я тебе прямо скажу, игра нечестная. В нее надо лезть, только чтобы выиграть. Чтобы подняться и всех нагнуть. Иначе нет смысла терпеть все это дерьмо... Кен его даже не понюхает, потому что сам знаешь, кто такой Маклелланд, – а ты нахлебаешься.

– Да вон Михалыч вроде не жалуется...

– Михалыч счастливый, у него в голове опилки. А Кену вместе с гайковёртом дадут бочку варенья, ящик печенья и розовые очки! И проследят, чтобы очки не снимал. У него все будет хорошо, и он не увидит, как другим плохо, а главное, почему им плохо. Будет работать в системе, только не поймет ее, не узнает, как она устроена на самом деле. Ему не позволят. Да он и не захочет...

К этому откровению я был морально готов и перетерпел его молча. Я знал своего приятеля совсем другим и уж точно не наивным парнишкой. На такого розовые очки не нацепишь. Просто у нашей красавицы с Кеном высокие отношения. Я их называю «гордость и предубеждение», а Михалыч, который говорит редко, но говорит едко, – «принцессы тоже какают». Всем, ну буквально всем нравился Кен, и даже, по слухам, дрались из-за него девчонки, а Джейн – сохраняла дистанцию. В детстве они нормально дружили, не по-соседски, а вполне по-человечески. Но когда подросли, началось странное: Джейн стала открыто язвить в его адрес, то добродушно, а то и довольно злобно. Кен стоически терпел или отшучивался. Я старался не думать, чего там у них было и почему ей не понравилось. У Кена с кем только не было.

– А ты... – продолжала она. – Тебе в системе не понравится. Ты всю дрянь увидишь сразу. Ты ведь каждую мелочь замечаешь и запоминаешь. Только сделать ничего не сможешь. Кена всегда отец прикроет. А за тебя не вступится никто. Ты будешь один против системы. Понял?

– Ага... – промямлил я.

– Молодец. Ну, счастливо. И не кидайте бутылки в реку!

Я еще услышал, как Джейн, отключаясь, буркнула себе под нос: «Ничего он не понял...»

Это верно. Ничего я тогда не понял.

* * *

Кен отпахал на сборке год, заработал кучу штрафов за манеру утираться рукавом на глазах у начальства, честно сдал экзамен на уровень С2 – и пошел вслед за Джейн учиться. Сказал, болты крутить он уже насобачился – «понял конвейер», как это у нас называли, – надо расти. Расти ему была прямая дорога: все помнили, чей папа отгрохал наш завод, а теперь занимает большое кресло в штаб-квартире. Никто, собственно, и не сомневался, что парень на конвейере постоял чисто ради трудовой биографии. Инженеру очень полезно.

Я слегка взгрустнул, конечно, – с Кеном было весело. Зато отдельные школьные друзья прямо-таки расправили плечи. Мы все подросли, только не особо поумнели. И девчонки, наши сверстницы и однокашницы, по-прежнему были готовы драться из-за Кена. А он в этом смысле несколько слабоволен – как увидит хорошего человека женского пола, так сразу теряет самообладание и думает, что хорошего человека надо чем-нибудь осчастливить. Собой, например. Пока не встретится человек еще лучше. Такой местный казанова, который всех на полном серьезе любит, просто недолго: люди-то кругом замечательные, аж глаза разбегаются...

Может, именно этого ему не могла простить рациональная и въедливая Джейн: искренности. Думаю, с ее точки зрения Кен остался полным мальчишкой и вел себя нелепо. Детскую манеру увлекаться интересным, а потом быстро остывать нельзя переносить на взрослую жинь. Окажись Кен в любви карьеристом или «спортсменом», был бы у Джейн хоть материал для размышления. А тут и не поймешь, кто из друга вырос, – скорее всего, клинический придурок. Кен никогда не рисовал звездочек на фюзеляже и не имел со своих побед никакой награды заметнее фонаря под глазом. Он каждую влюбленность проживал от и до, а потом глубоко страдал, расставаясь. Страдал, как любил, тоже недолго.

Я-то считал, что это пройдет: ну действительно яркий во всех отношениях человек, непросто такому найти свою половинку.

Наши, в общем, думали так же, да и относились к Кену, повторяюсь, хорошо, но многие были рады, когда яркий человек опять свалил из города. Пускай едет в институт: ему там будет чем заняться. Когда я напомнил, что это не первый случай в практике Кена, курилка только посмеялась. Ну какой в Пиндосии может быть институт, одно название. Они там небось действительно учатся. Разумеется, Кену, обрусевшему до глубины души, было там скучно и неудобно. А наш институт – совсем другое дело. Русские студенты – такие студенты, что сдают экзамены, не приходя в сознание.

Сам бывший русский студент, я не стал развенчивать этот миф. Нужна людям волшебная сказка о героях, которые не просыхают, а потом вдруг запускают конвейеры, – ради бога. Завод сам по себе весьма мифологизированная территория: не считая легенд и баек про то, «как все было при Дональде», у нас тут бродит несколько красномордых американцев с таинственной репутацией талантов, загубленных безжалостной штаб-квартирой. Хотя скорее всего талант ни при чем и их просто выгнали в провинцию за хроническое красномордие...

Кен уехал, и остались мы с Михалычем на конвейере вдвоем.

Ко мне тоже подходили и говорили: пиши заявление на учебу. Но какое-то смутное чувство неловкости заставляло меня вежливо отказываться: спасибо, только давайте в следующем году, я пока еще тут побуду, огляжусь как следует...

Кончилось тем, что меня пригласили к завкадрами. Большая честь для работяги. Большую гадость заводу надо сделать, чтобы ее удостоиться.

– Вызывали?

– Ага. Явился, не запылится...

– Являются только архангелы, – говорю. – А я – по вашему приказанию прибыл!

– Ты, юноша, сильно не умничай тут. А то могу неправильно понять. Ты же не хочешь, чтобы тебя неправильно поняли?.. Расскажи-ка лучше, о чем думаешь. Точнее, каким местом думаешь. Кстати, можешь на это место присесть. Вон, бери стул.

Ну, присел. Лицо попроще сделал. И честно докладываю:

– Глубоко признателен заводу за интерес к моей персоне, но, думаю, рано меня посылать в колледж. Я пока еще тут покручусь, огляжусь, освою новые операции...

– Знаю я твои новые операции, – говорит мне кадровик. – Здорово ты их осваиваешь. Голая баба во весь багажник. Ты ведь рисовал?

– Не я, честное слово.

Голая баба сильно отличается от обнаженной женщины. Поэтому в голую бабу въехал автобус. Загляделся – и совокупился, так сказать. В федеральные новости попал. Цитрус, им раздавленный, показывали только сбоку – побоялись, наверное, что раз баба такая аттрактивная, мужики в телевизоры полезут.

Я не умел рисовать голых баб, вот правда.

– Балбес ты, Миша. У тебя сейчас такие шансы, а ты хочешь пропасть в гаражах.

– Почему сразу в гаражах? Может, в паддоке F1.

– Из наших гаражей никто не дорастет до паддока... Слушай, твой отец построил эту коробку, – кадровик обвел руками вокруг, – в пейзаж. Врисовал ее в город. А ты разрисовываешь машинки, которые выезжают из коробки. Тебе не кажется, что это... э-э... мелко?

Может, стоит замахнуться на большее?

– Понятно, – сказал я. – Папа звонил и волновался. Простите его. И извините меня. Кадровик пожал плечами.

– Твой выбор. Но пока ты на заводе, никогда не поздно написать заявление. Лично я буду рад.

И добавил, глядя в сторону:

– А то ведь тут пиндос на пиндосе...

Я уже выходил из кабинета, когда в спину мне раздалось такое, что я запнулся на пороге:

– Поменьше болтай в курилке. И тезке своему посоветуй. Что угодно там говорите, только не то, что было по правде. И не то, что думаете. И с америкосами своими... поменьше болтайте даже по телефону.

Это я тоже запомнил.

Я все запоминал.

Правда, не мог разгадать намеков – ну и ладно. Зачем сегодня впустую ломать голову, если потом, когда будет поздно, я все сразу пойму. Мне всегда становится ясно, когда уже поздно. Но лучше ведь поздно, чем никогда. А сейчас главное – верить своим ощущениям, верить тому, что вижу. Спасибо, видеть я умею как никто другой. И если интуиция говорит: не дергайся – не дернись. И потом, когда будет поздно, выяснится, что интуиция не подвела.

Джейн говорила: игра нечестная, лезть в нее имеет смысл только ради того, чтобы «всех нагнуть». И я, кажется, разглядел, какие тут подводные камни.

Сначала нагнут тебя. И не факт, что ты потом распрямишься.

Многие сказали бы, что я идиот. Получи диплом за счет фирмы, отработай положенное – и вали на все четыре стороны, хоть в гаражи, зато с дипломом. Не хочешь продвигаться на этой фирме – устройся на другую... Двое из трех на конвейере прозакладывали бы душу за такое внимание к их персоне. Ишь ты – уговаривают его! Нас почему-то никто не зовет в инженеры!

Их не звали, потому что они, на взгляд фирмы, того не стоили. И в определенном смысле им повезло. Но если первое они еще смогли бы понять – обругали бы пиндосов и смирились с зачислением в лузеры, – то второе не укладывалось в мозгах, засушенных конвейером.

Мои коллеги по цеху были совсем не из тех, кто хочет построить космодром и рвануть на Луну. Попадись им грамотное начальство, эти рукастые перцы могли склепать хоть звездолет на коленке, но реально они выросли в стране, где начальству звездолеты не нужны, а «инициатива снизу» либо неинтересна, либо вовсе наказуема. А на всяких шибко умных и желающих странного есть весьма действенные законы – например, закон об оскорблении кого угодно. Не надо умничать, надо Родину любить. Вот парни и не умничали. Тем более вокруг столько развлечений – нарушай технологию, жалуйся на жизнь, ругай пиндосов...

Им хотелось много зарабатывать и много тратить. Это уже очень неплохо, только вот беда: и зарабатывали, и тратили они – чтобы быть в тренде, как сказал бы умный Кен. Они не покупали новый цитрус, чтобы повисить с помощью машины качество своей жизни. Они и понятия такого не знали. Просто у нормального парня должна быть машина. Поэтому цитрус если и делал их счастливыми, то ненадолго. Они и так-то не умели подолгу быть счастливыми, а тут еще завод регулярно подбрасывал им доводы в пользу того, что счастье – это когда ты показал фак спине пиндоса или заснул прямо на «совещании по эффективности», а тебя не наказали.

Справливости ради они действительно много зарабатывали и могли раз в три года купить новый цитрус за смешную цену. Чем плохо?

Кену, Джейн и мне что-то совсем другое требовалось для счастья, нечто иного порядка. Мы с детства смахивали на ребят, которые думают о постройке космодрома. Поэтому у фирмы был прямой интерес прибрать нас к рукам, хорошо выучить и своевременно обломать. Поставить в общий строй, научить уважать тренды. Пункт «обломать» был главным, это я уже понял. Я читал это в глазах молодых инженеров, бродивших вдоль конвейера.

Не хотелось, чтобы меня обламывали.

* * *

В курилке спросили, конечно:

– Ну, че кадровик?..

– Он голый бабой интересовался, – ответил я. – Сказал, позорю репутацию завода. Нарушаю Кодекс.

– А ты че?

– А я не позорил репутацию завода. И точка.

– А мы думали, ты – учиться...

– Нечему мне учиться, – отрезал я. – Разве что голых баб на машинах рисовать. Этого пока не умею.

Потом вернулась из института Джейн, «молодой специалист». Я уже был сборщиком высшей квалификации и священнодействовал на веддинге. Мне все нравилось. Жизнь на данном этапе удалась.

Джейн сказала: ты дурак, лоботряс, типичный русский емеля и счастья своего не понимаешь. Ладно там Михалыч, он бы на конкурсе пофигистов стал членом жюри без права голоса, но ты!.. Такой-сякой-талантливый... А я подсматривал за ней и убеждался: все верно сделал, к черту ваши институты, к черту ваш карьерный рост.

От «Женьки», как ее звали у нас в классе, смелой и даже отчаянной девчонки, осталось до обидного мало. Я не застал Женьку сборщицей на конвейере, в комбинезоне и с гайковертом. Это видел только Михалыч, зато он как-то умудрился пронести в цех телефон и украдкой нашу красавицу отщелкал, а потом слал мне фотографии гигабайтами. Не девушка – мечта. Ее хотелось рисовать. Желательно «ню». С гайковертом и на конвейере... А теперь что-то важное пропало. Голую бабу написать получится, обнаженную женщину – нет. Джейн угодила в тренд. Ее уже крепко обмяли, а скоро и обломают. Грешным делом, я постарался убедить себя, что никогда не был в нее по-настоящему влюблен. И довольно легко убедил. Я больше не верил, что она построит культовый автомобиль, и не хотел бы оказаться рядом, когда до нее самой это дойдет.

Время летело, мы выросли, нас дрючили, мы крепчали, и мне уже не все нравилось, и жизнь если не дала трещину, то проявила тенденцию.

Когда вернулся с учебы Кен, мы с Михалычем не заметили в нем вообще никакой перемены. Все тот же раздолбай Маклелланд из клана раздолбаев Маклелландов, которые могут

одной левой построить завод на берегу русской реки – и будут ныть, что им мешают забавлять космодром.

Это должно было обрадовать, но я как-то разучился. Плохой или хороший, Кен принадлежал теперь компании. А я мечтал от нее оторваться – и все никак не мог. Я носил на комбезе чемпионские и ветеранские нашивки, был по-прежнему сборщиком на вединге, но вдобавок – нервным и злым человеком.

Только когда Кен и Джейн вместе приходили к нам с Михалычем на пост и вставляли неподалеку, у меня ненадолго теплело на душе, как в старые добрые времена. Мне хорошо работалось, пока они были рядом. А потом снова накатывало раздражение.

Джейн оказалась права: я застрял тут, и впереди маячила наработка на отказ.

Я спекся. Меня достал Кодекс корпоративной этики, задолбали пиндосы, а в Васю-Профсоюзу я ни разу не швырнул гайкой только потому, что постоянно над ним издевался... Я больше не мог терпеть без зубовного скрежета бессмысленные «совещания по эффективности». Глядя на свои красивые нашивки, вспоминал, как их «внедряли» и как меня штрафовали за то, что я не хотел цеплять эту глупость на рукав. А плакат-мотиватор, маячивший перед глазами всю смену, хотелось сорвать и растоптать.

Мама почуяла, что с сыном неладно, и едва не каждый день мучила расспросами по скайпу: что я кушал на обед и почему на мне такая мятая рубашка. Парадоксально, но ее в Америке пиндосы не доставали вовсе. Они с отцом работали в небольшом агентстве, которое не могло себе позволить роскошь держать показушников, бюрократов и стукачей. А вот Дон Маклелланд, настойчиво звавший обоих с собой в штаб-квартиру, теперь там совершенно озверел и готовился к очередному броску на строительство завода, хоть к черту на рога, лишь бы от пиндосов подальше. И жаловался моему отцу, что раньше такой фигни не было.

Я тоже озверел – буквально. Чувствовал себя готовым кусаться и рычать по любому поводу. У меня была какая-то совершенно зоологическая личная жизнь, вроде той, что показывают по «Дискавери Ченнел». Более-менее человеком я становился только в гаражах, колдуя над очередным цитрусом. Так и подмывало выкрасить хоть одну машину желтым, но никто не соглашался – это было не в тренде. Обозвать цитрус цитрусом мои клиенты не стеснялись никогда, но прокатиться по городу на желтой тачке значило смертельно обидеть марку. А поиздевался над маркой – выходит, обидел завод, обидел левый берег, обидел весь город... Честно говоря, я сам ездил на красном.

Но уже готов был обидеть завод.

Джейн, которая не признавала за Кеном его лучших качеств и сильно недооценивала Михалыча, меня-то понимала насквозь. Как она и обещала, я разглядел всю «систему» до мельчайших подробностей.

Глаза бы не смотрели.

* * *

Почему я не ушел раньше, вопрос резонный. Ну, во-первых, я любил завод. Он сделал меня большим, дал чувство сопричастности к огромному и важному. Теперь в каждом цитрусе была частичка меня. На какую машину ни глянь – есть вероятность, что ее вел я. А не я, так наши. Если очень хочется, можно посмотреть серийный номер и установить это точно. За качество готов ответить. И наши ответят. И сколько бы мы ни иронизировали над турецкими чурками и немецкими турками, они тоже собирали цитрусы, и тоже были наши. Благодаря компании я стал настоящим, а не в переносном смысле «гражданином мира». Мы делали машины на радость людям всей планеты, и машины отлично ездили, и люди радовались. Через Интернет они говорили нам, простым сборщикам, «спасибо», и это было чертовски приятно.

Во-вторых, я влип в профессию. Меня с детства приучили думать, что плохой работы нет, а есть плохие работники. Изучи дело, за которое взялся, освой его как следует – и будешь уважать себя, а награда от благодарного человечества не заставит ждать: тебя все полюбят хоть дворником, хоть мусорщиком. Не надо быть звездой и гением для этого, народ и так решит, что ты гений и звезда.

Собственно, живых примеров хватало: допустим, к Машке Трушкиной, красивой дурочке, бежало, случись чего, все Правобережье, хотя сидела она в тамошней управе скромным референтом. Нашу Мисс Города не любили за длинный язык, любили за длинные ноги, но уважали и ценили как специалиста, который «в теме» по любому вопросу и моментально тебя сориентирует. У нее были компьютерные мозги, она все помнила и всех знала. На месте заводской пиар-службы я бы поостерегся с ней бодаться. Тем более что дурочкой Мария вовсе не прикидывалась.

Я тоже никем не прикидывался: взялся за дело и вскоре стал «новой надеждой», затем одним из лучших, а потом и вовсе признанным чемпионом. И только собрался пожинать лавры да почивать на них – вокруг меня начался театр абсурда по пьесе Толстоевского.

Мне некуда было развиваться как сборщику, я уперся в потолок. Чтобы пробить его и прорасти на следующий этаж, требовалось для начала съесть нашего тим-лидера и занять его место. Соответственно, тим-лидер должен был съесть мастера участка, а мастер – начальника смены, а тому, старому беззубому хрену, оставалось только грызть начальника цеха. Но здесь, увы, технологическая цепочка обрывалась: начальнику цеха некого было подсидеть, в свою очередь, поскольку над ним стоял пиндос. Пиндос на заводе фигура несъедобная по умолчанию, как в обычной жизни полицей или депутат Государственной Думы. Пиндосы едят пиндосов, а русских это не касается... В общем, начальник смены попадал в тиски: попробуй он дернуться, начальник цеха просто зашибал его ответным бюрократическим ударом. Значит, давить надо тех, кто стоит ниже, пока они первые не начали. Идиотское положение: кругом враги и никому деваться некуда. Выход рисовался чисто декадентский – взять, да всем из вредности повеситься, не дождавшись пенсии и тем подтвердив гипотезу пессимистов, что вешаться можно уже сейчас, поскольку до пенсии один хрен никто не доживет.

Или общими усилиями раздавить меня. А я тоже существо загадочное – стою себе на вединге, собираю цитрусы. С американцами дружу. К кадровику ходил без последствий. Отец мой тут еще с Дональдом работал, если кто помнит. Вдруг я тоже из несъедобных? Вдруг я, допустим, такой продвинутый стукач, который и не стучит уже? Или хотя бы обычный папенькин сынок, задержавшийся в развитии?

Ну чисто производственная драма, одна радость, что не «Гамлет», а то убили бы. Три друга-с-перепуга – лидер, мастер и начальник смены – неверно поняли мои мотивы, когда я отказался идти учиться: решили, парень задумал линейную карьеру и сейчас начнется у нас туточки кровавое месиво. Вместо шаткого равновесия сил и холодной войны – промышленный каннибализм.

По Михалычу сразу видно, что у него нет амбиций. Думал, и у меня это на лбу написано. Я на заводе временно, я рисую вообще-то! А они не заметили. Или просто у страха глаза велики.

Потом узнал, как яростно и самозабвенно они бросились стучать все и сразу на виновника торжества. Ой, сильно потом, и слава богу.

Хорошо, тогда на нервной почве тим-лидер сорвался – и без причины облаял даже не меня, а Михалыча. Меня он уже какое-то время старался вообще не замечать. Ну и я при всей бригаде его попросил: либо объясни человеческим языком, в чем дело, либо мы с Михалычем просимся в другую смену, если наши физиономии начали тебя бесить. И чего ты лаешься? Мы будем скучать без вас, ребята, но зачем доводить до истерик?.. Он так и

сел. А бригада-то смотрит и правды ждет. Ну, лидер помялся-помялся и все свои подозрения выложил. И тогда уже я сел. Спасибо, не упал.

Обычно такие номера не проходят: тим-лидер боится, что, если расколется, покажет свою человеческую сущность, особенно когда она с гнильцой, то навсегда потеряет авторитет. Но тут лидер был нашим ровесником, молодым парнем, очень неглупым, и это по его инициативе Дарты Веддеры держались сплоченной командой, где бригадир – не вожак, а первый среди равных. Один за всех, и все такое. Иначе ходили бы, кроме шуток, с битыми мордами и без вкусных чемпионских бонусов.

Мы считались на сборке элитой не элитой, но какими-то особенными – поэтому нас регулярно со всех сторон подкалывали и задирали. Когда в курилке, а когда и в раздевалке. И почему-то никогда – за проходной, где нет камер слежения. Цеплялись когда по-доброму, а когда и с претензиями на драку. Иногда с такими претензиями, что приходилось самых наглых запугивать Михалычем. Была версия, мол, это нас провоцируют по указке сверху – чтобы мы налетели и залетели. Согласно Кодексу корпоративной этики, кто первый ударил, тот и дурак. Ну точно как нас в школе учили закону об оскорблении всех уродов всеми словами: умный не дерется, а пишет бумажку-стучалку, что его обидели. Только это по Кодексу он умный, а по понятиям левого берега – нехороший мальчик. Вот на что нас разводили.

Нелегко стать победителем капиталистического соревнования, еще труднее удержаться, а веддинг чемпионил и чемпионил, как заколдованный. По слухам, такое демотивирующее поведение «веддинг-тим» обсуждали в дирекции у Пападакиса лично. Ну действительно, некрасиво получается. Штаб-квартира требует высоко держать знамя соревнования, а работяги думают: кой толк корячиться, если эти анонимные трудоголики с Темной Стороны Силы забирают все призы? И квартал за кварталом в донесениях сплошной веддинг фигурирует, только смены меняются, елозят по пьедесталу почета вверх-вниз, толкаясь локтями, а теперь наша растопырилась на первом месте, и не спихнешь. А остальной завод не мычит, не телится. С точки зрения штаба, то ли дирекция не справляется с мотивацией туземцев на трудовые подвиги, то ли у русских на веддинге орудуют реальные ситхи, которые одним взглядом заставляют цитрусы жениться. Скорее уж первое, чем второе, не правда ли?

И тут всем такой подарок – одна из распроклятых чемпионских бригад взялась сама себя пожирать. Ну уж фиг вам в белы ручки, подумали ситхи. Не дождетесь. Работать лучше не пробовали?

Обсудили мы проблему, убедили лидера, что никто его харчить не собирается, и пошли вкалывать дальше. А потом устроили брэйнсторм и дотумкали, как себя поставить, чтобы не приходилось отвечать на дурацкие подколки. Это оказалось совсем не сложно, если голову приложить. Надо было только критически переосмыслить свое место в этом мире. Свою, пардон, историческую миссию в масштабах Отечества, города и завода.

Мы нашли рецепт спасения, когда сообразили, что у нас на шестерых целых шестьдесят шесть классов средней школы и один курс Строгановки. И еще тим-лидер год учился на зоотехника, пока не выгнали: то ли переоценил свою зоофилию, то ли недооценил, сам не понял... В общем, мы, ситхи, образованные – мама, не горюй. И народ докапывается до нас без повода чисто инстинктивно, просто потому, что не любит интеллигенцию.

Но ведь это не по-русски, товарищи. В России всегда интеллигенция прикалывалась над народом, как хотела. Изгалялась, не побоимся такого слова. Мы врубили шесть мозгов на полную катушку – и стали изгаляться.

Сами начали всех травить!

Раньше мы в упор не замечали глупостей и нелепостей, произнесенных кем-нибудь в курилке. Это считалось на заводе как бы хорошим тоном: дураков много, всех не научишь. Балаболит – и черт с ним. Решив, что интеллигенция сама задает тон, мы стали бессо-

вестно цепляться к дурацким высказываниям. Просили уточнить реплику, интересовались, что человек имел в виду, – и начинали с высоты своих шести интеллектов методично доказывать: он глуп, необразован и несет пафосную чушь. Довольно часто мы провоцировали: вбросим тему, в которой шурупим более-менее, – и ждем, когда пафосный идиот вляпается.

Мы надеялись, что от нас просто отстанут. Или навяжут бой стенка на стенку там, где нет камер слежения, – и тем более отстанут. Если бы. Через пару месяцев с нами боялись заговорить. Через полгода нас уважали. Через год – любили.

И вот это «в-третьих», почему я так долго не увольнялся: у нас была неплохая команда. Да и в целом публика на заводе подобралась ничего. Местами грубовата, излишне простовата, глуповато-хитровата, но это отдельные несознательные личности. А в целом, повторим, ничего себе народ. Если бы пиндосы не пиндосили его с утра до ночи, разобщая и озлобляя, стравливая и приучая к плохому в целях лучшей управляемости, – вообще народ что надо.

Нет, звезд он с неба не хватал. И спасибо ему – поэтому звезды на месте, а то бы все по домам растащили.

Мы бы первые и растащили.

* * *

С хорошей командой можно перетерпеть что угодно – перешутить, пересмеяться, перенаплевать, наконец. И даже случись на вединге плохая команда, рядом со мной трудился Михалыч, неисчерпаемый источник здорового пофигизма. Ну и вариант наплакаться в жилетку Кену никто не отменял.

Все было бы терпимо – и тут нам завод надоел.

Помимо нелепой пиндосской бюрократии, что цвела на заводе махровым цветом, он начал раздражать сам по себе. Это трудно объяснить, надо просто у нас побывать, и вы сразу поймете. Современное производство очень плотно скомпоновано – ты стоишь у конвейера, собираешь цитрусы, а в это время другие цитрусы разной степени готовности плывут по своим делам у тебя над головой. Тут движется все, движется повсюду и слишком близко от тебя. Куда ни глянь, едут кузова. Спереди, сзади, сверху, спасибо – не снизу. Кажется, я устал ощущать себя букашкой во чреве стального чудовища.

Ну и психологическое выгорание – это вам не шуточки. На те же симптомы жаловался, например, тим-лидер наших «рукосуев» – бригады выходного контроля, у которой работа – в четырех стенах, тишине и покое внимательно осматривать и нежно гладить руками готовую машину. Это профессия для флегматичных ребят с крепкими нервами и железным чувством ответственности. У них не ездят над головой кузова, они не рискуют схлопотать манипулятором в харю, не носят очков и наушников. А все равно дуреют и бесятся не меньше сборщиков.

Я уж молчу, с какими лицами и какими словами выползала «химзащита» из покрасочной камеры.

Каждому тут было худо в той или иной степени. Не уставал от производства только маленький слесарь Малахов – человеку по плечу, а Михалычу в аккурат под мышку, – из-за которого по всему заводу доски объявлений висели ниже корпоративного стандарта. Это он так еще в незапамятные времена нагнул пиндосов, чему по сей день радовался. Малахов вообще был с ног до головы прямое нарушение. Нехватка роста вовсе не мешала ему лихо орудовать «болгаркой» на обработке фланцев, хотя по всем нормативам – должна была. Рабочий таких пропорций не мог дотянуться до некоторых участков кузова, а Малахов, зараза, дотягивался. То ли его поставили на эту операцию сослепу, то ли он сам пролез, а когда увидели, чего наш веселый гном там творит, оказалось, что его оттуда фиг выгонишь. Конечно, слесарюгу задрипанного можно было и уволить к едрене бабушке без объяснения причин,

чтобы не воображал, будто он двухметровый. Но внезапно за Малахова вступился не просто весь трудовой коллектив, а даже профсоюз, смысл которого заключался лишь в том, чтобы на заводе не было профсоюза.

– Вы офигели старейшего рабочего обижать, – сказал трудовой коллектив. – Это ведь наша живая легенда.

Начальство присмотрелось к живой легенде, вспомнило о том, почему она легенда, и стало с виду такое, будто в детстве наглоталось разных гаек и болтов.

– Даже не думайте, – сказал профсоюз. – Иначе мы ничего не гарантируем. Он любимец всего завода и вообще... Креативный чувак. Если вы понимаете, о чем мы.

Начальство, услышав слово «креативный», окончательно утратило человеческий облик и деревянным шагом удалилось докладывать мистеру Джозефу Пападакису, что русские угрожают бунтом.

Директор был, при всех своих недостатках, мужиком справедливым и незлопамятным. Вряд ли он догадывался о том, сколько раз это его выручало в России и как еще выручит. Он повернулся к монитору, посмотрел на Малахова, вспомнил его, поморщился... И дал команду юротделу, чтобы для креативного чувака сочинили особую расписку. Таковую окончательную бумажку, согласно которой Малахов валяет дурака на свой страх и риск и может хоть голову себе отпилить «болгаркой», а завод умывает руки. Юристам не надо было объяснять два раза, как переводить стрелки, и уже назавтра на обработку фланцев приперлись хмурые люди из страховой компании. Но там их поджидали кадровик, психолог, менеджер по технике безопасности, руководство профсоюза в полном составе, а еще летели искры и весело скакал креативный чувак.

Ну, до сих пор скачет.

Достанься мне такой живой характер в сочетании с талантом нагибать тех, чья работа – нагибать всех, я бы тоже не устал от завода, наверное.

А я устал почти смертельно. Приобщение к большому делу, любовь к профессии, командный дух – это все со временем изнашивается и потеряло надо мной власть. Идеи и привязанности тоже ветшают, знаете ли. Осталось нечто материальное. Оно и держало.

Я здесь много рисовал вообще-то.

В последнюю свою рабочую осень я цеплялся на заводе только за две вещи. Мне по-прежнему очень нравились мои полторы зарплаты, положенные сборщику квалификации СЗ, а с бонусами для чемпионов и ветеранов – еще больше. И словами не опишешь, как нравилось раскрашивать шлемы для нашей гоночной команды. Машинами «Формулы Циркус» я тоже занимался, но это была не творческая работа, а вот окраска шлема у каждого спортсмена индивидуальная, и тут простор для фантазии открывается безграничный. Рисунок на шлеме или просто его цветовой решение – это для гонщика как рыцарский герб. Когда доспехи у всех принудительно одинаковые, к гербу относятся серьезно.

Но помимо шлема, у гонщика есть личный автомобиль. И у друзей гонщика есть автомобили... Короче, то самое, на что я робко надеялся, отправляясь на завод, – получилось. Заказов по художественной росписи машин становилось все больше, и каждый был для меня вызовом, помогал набираться опыта и оттачивать мастерство. Без ложной скромности я здорово набил руку в аэрографии. Там и сям по городу катались цитрусы, расписанные мной то под звездолет, то под цветочную клумбу, то под цитрус без обшивки – когда вся начинка машины видна как на просвет, вплоть до бутылки виски в кармане двери и пулемета в багажнике. Змей, орлов, языки пламени и тому подобный ширпотреб я не рисую принципиально... Оставалось сделать логичный шаг: найти силы отлипнуть от завода и уйти на вольные хлеба.

Рвать с командой было очень больно, но, закинув осторожно удочку на этот счет, я поймал вполне прозрачный намек: гонщики со шлемами все равно ко мне придут. Втихаря, но придут. А Михалыч сказал, у него ностальгия по автоспорту перегорела и ему теперь

фиолетово, в каком гараже сгибать гаечные ключи. И насчет Джейн у него, кажется, перегорело, хотя об этом он вслух не распространялся. Заметил только, что стала Женька нервная. Хотя и красивая.

И в один прекрасный день договорились мы с Михалычем, что после заграничного турне не станем писать заявлений на учебу, а подадим заявления об уходе. Уволимся и откроем свой уютненький гаражик с покрасочной камерой. На хлеб хватит – и никаких пиндосов.

Пиндосы нам страсть как надоели, а опиндошенные русаки и того хуже, и дальше работать в их гадючнике, даже сморкаясь в дорогие галстуки, мы просто не смогли бы.

* * *

Сейчас я понимаю, что именно в те дни атмосфера на заводе, с виду-то безоблачная, разогрелась до температуры, при которой у людей плавится серое вещество – и начинается дурдом. Как это позже мудрено описал Кен, «накопились такие информационные активы, которые, не имея выхода, просто обязаны были долбануть». Грубо говоря, все на тот момент четко определились, кто виноват, но понятия не имели, что делать.

Задолбали нас пиндосы своей простотой.

Как нарочно, к тому времени окончательно устало от завода поколение «ветеранов», наше с Михалычем. Поколение, которое росло бок о бок с детьми «команды Дональда», знало американцев лучше, чем кто другой в городе, понимало их психологию и все еще оставалось с ними на короткой ноге. Естественно, мы и пиндосов хорошо понимали и не любили особенно злой нелюбовью, другим недоступной. В этом и заключался «информационный актив», доводивший до белого каления: ты видишь ситуацию изнутри, разбираешься в ней прекрасно, но никаких рычагов влияния не имеешь. Достучаться нереально: они начальники, значит, мы дураки. Конечно, случись беда, мы могли бы стать посредниками, миротворцами, разводящими... Объяснить народу, в конце концов, что пиндосы – такие же кретины, как наши начальники, просто импортные, и глупо держать их за исчадия ада... Но до беды надо дожить, а мы не дотерпели. Спеклись раньше. Подали заявления массово, будто сговорившись – несколько десятков человек. Когда начались русские народные забавы, бессмысленные и беспощадные, нас уже не было на заводе.

Завод и город шли к катастрофе, а мы сидели на берегу реки и даже не наломали кольев, чтобы отталкивать трупы от берега.

* * *

Но пока что мы с Михалычем собирали цитрусы. Уныло, без прежнего огонька – дотянуть бы до зимы. И Кен ходил потухший, а всего-то чуть больше года в инженерах отгулял. И Джейн какая-то нервная.

Давно прошла эйфория первых лет, когда мы считали пиндосов за необходимое и терпимое зло, когда говорили себе, что они – рабы штаб-квартиры и это их жалеть надо, а нам-то, простым сборщикам, все трын-трава. Если менеджерам приказали заниматься идиотизмом на производстве, остается только им сочувствовать, а самим – не рыпаться и не подставляться. Едва ли не с умилением заводчане наблюдали в пиндосах черты постепенного обрусения и ждали, что вот-вот они станут похожи на обычных американцев, к которым мы привыкли с детства...

У нас вообще было много детских иллюзий. Понятия «русский», «американец», «производство» и «начальник» мы рассматривали по отдельности, не догадываясь, какую невкусную кашу на машинном масле завод сварит из этого пшена. Тем труднее нам пришлось: мы

с американцами учились в одной школе, «тупого пиндоса» считали фигурой из анекдота и наивно полагали, что раз мы все такие клевые ребята и у нас такая дружба народов, это нормально. Да мы вместе горы свернем.

Ну и приперлись, значит, строить космодром, детишки.

Думали, сначала будет все как в гаражах: понаделаем автомобилей – и давай на них кататься. А потом станет по-взрослому: насобачимся крутить гайки – начнем инженерить и дизайнить. Научимся делать это хорошо – начнем строить заводы. Как наши отцы. У них ведь получилось.

Мы просто не понимали, что такое производство и как оно плющит человека вместе с его национальным менталитетом и местным колоритом, будь он хоть русский, хоть нерусский. Как пиндосит не по-детски. Загоняет в тренд кувалдой.

Не получилось на заводе дружбы народов.

Единственным нашим другом среди пиндосов был Железный Джон, даром что железный. Остальные вызывали желание, мягко говоря, вколотить немного разума. Глядя на них, я вспоминал своего армейского лейтенанта, сдуру уверенного, что его должны уважать за звездочки на погонах. Думали, он поумнеет, если случайно упадет в мазут. Не тут-то было. Он потом еще в краску упал, и опять никакого эффекта.

Когда заводом рулил отец Кена, здесь была почти демократия – ровно настолько, насколько демократия полезна на производстве. Увы, мы знали те благословенные времена только по рассказам старших. На нашу долю не хватило.

Администрация Пападакиса боялась собственной тени, жила по принципу «как бы чего не вышло» и тратила огромные силы на пустую бюрократическую возню – совещания, оповещения, доведения под роспись, месячники по улучшению и повышению, декады контроля и кварталы борьбы. Сплошная показуха, зато пиндосы всегда имели, что доложить в штаб-квартиру. Мы бы, конечно, на все это чихали, если бы оно не доставало каждого. А ты что сделал для борьбы? А почему молчишь на совещаниях? А где ты еще не расписался?... Дирекция пинала среднее звено, среднее звено пидало русский менеджмент, а русский менеджмент, который обычно в таких ситуациях пинает балду – он ведь не самоубийца, – до того опиндосел и потерял всякий нюх, что с утра до ночи пинал рабочих.

Это у дирекции была забота номер два после отчетов перед штаб-квартирой – расколоть русский штафф и держать в расколотом состоянии. Менеджменту дали понять, что у него нет национальности. То есть он сам выбирает: пиндосы могут его возвысить до себя или опустить до уровня туземца. Возвышение предполагало вкусные бонусы и общение как бы на равных. Терять бонусы и терпеть плевки в душу никто не хотел (точнее, в менеджеры брали тех, кто не захочет). Поэтому если тим-лидеры были в большинстве своем нормальные ребята, то уже мастера участков смотрели на рабочих строго как на потенциальный источник неприятностей.

А еще они, твари, все стучали друг на друга и на нас. Мелко и противно ябедничали.

Слегка оживляли пейзаж немногочисленные американские лузеры, отправленные прозябать в Россию, скорее всего за алкоголизм. Им было уже до такой степени все до фонаря, что они бродили по заводу с опухшими мордами и ругали пиндосов. Иногда они трезвели и с каким-то мазохистским наслаждением включались в борьбу за эффективность. Или креативность, хрен редьки не слаще.

На словах у нас каждый боролся за эту муть. Еженедельно работяг собирали на «совещание по эффективности» и доставали расспросами, требуя умных предложений и далеко идущих выводов. А уж молодым линейным инженерам вроде Кена и Джейн эффективность вообще снилась. Приезжала на ночной кобыле, если вы понимаете, о чем я.

К несчастью, все это была громадная, в масштабах целой компании, психодрама: начальники делают вид, будто им интересно наше мнение, а мы делаем вид, что думаем, будто им и правда интересно.

Тут и не захочешь, а начнешь жаловаться на жизнь и ругать пиндосов. А там и до нарушения технологии недалеко. Чисто ради протеста. Ведь любой у нас знал, что ни одна инициатива снизу, даже самая продуманная, больше никогда не пойдет в разработку. И вся борьба борьбухая затеяна ради обмана и самообмана. Рудимент эпохи, когда «командный дух» и «верность фирме» были не пустыми словами. Теперь это не спланивалось, а только разобщало. Больно смотреть, как взрослые люди учинили на производстве нелепую ролевую игру – и приучают к ней молодых.

И ладно бы они прикидывались добренькими. Хваленной американской толерантности в этих упырях почему-то не наблюдалось вовсе, зато нос задирать перед туземцами они умели еще как. Год от года борзеть получалось у них все лучше, и от реальности они отрывались все заметнее. Откуда их таких выкопали, а главное, зачем свалили это счастье нам на голову, я долго не мог сообразить, пока Кен не объяснил.

– Нечему удивляться, – сказал Кен, – они ведь ссыльные.

От изумления я немедленно выпил.

* * *

Дональду Маклелланду надо было поднять завод фактически на пустом месте, в полумертвом городе, вопреки местному колориту и особенностям национального менталитета. Деньги компании и ее политический вес ничего не решали в нашей глубинке, где Америку считали врагом рода человеческого, мировым жандармом, Содомом и Гоморрой, нужно подчеркнуть. Уговорить местные власти фирма могла на всякое, но реально опираться приходилось на живых людей, которые встанут к конвейеру. И либо они все раскрутят, либо все обломают, это уже зависит от тебя – как ты им понравишься, морда пиндосская. Неважно, что трудовой договор позволяет выгнать любого в пять минут без объяснения причин. Ну, выгнал ты его – на замену придет другой, еще хуже. И всегда найдется еще хуже, Россия богата талантами. И на конвейере настанет ад крошечный. Не везти же сюда чурок: во-первых, это неконцептуально, во-вторых, чурок тут сожрут вместе с заводом. Короче, у Маклелланда не было выбора.

Поэтому Дон сколачивал из рабочих и управленческого аппарата команду, где все друг друга уважают и каждый чувствует личную ответственность за общее дело. В те дни «заводские» стали почти мафией и страшно гордились этим. Каждый мальчишка с Левобережья мечтал вырасти не просто «левым», а именно «заводским».

И слово «эффективность» не было тогда ругательством. Дон Маклелланд не играл в это дело, а точнее, играл всерьез. Увлекал людей, внушал им веру, что они пришли на завод не тупо заколачивать рубли, а строить автомобили. Любить автомобили. Наслаждаться ими. Гордиться своей миссией. А если автомобили будут хороши, то начнется вообще счастье. И кузнец этого счастья – ты. Да-да, именно ты. Даже если бегаешь со шваброй, потому что дать тебе гайковерт боязно. Но без твоей швабры на заводе настанет бардак. Поэтому шваброй надо ворочать осмысленно. Придумай, как это делать лучше. Придешь – расскажешь, мы тебя наградим.

Дон Маклелланд не был пиндосом, и русские ему поверили. Да чего там русские, его харизме поддались даже американские лузеры, коих Дон привез с собой изрядно за неимением лучших и по нежеланию брать пиндосов. Он готов был терпеть в команде эксцентричных типов и деморализованных специалистов, лишь бы не бюрократов и стукачей. Наши поначалу восприняли импортных балбесов как экзотику: надо же, их самолетом везли

через океан, а они – раздолбаи и алкашня! Но у Маклелланда был Хитрый План А. Он подбирал людей, рассчитывая, что на месте балбесы сами просекут фишку: их в Россию позвали не погибаться, а восстать из праха. Лузеры огляделись, принялись, опохмелились и вдруг ожили. Началось удивительное время, когда господа начальники не квасили с утра пораньше, а бежали на завод со смелыми бизнес-планами в зубах и глядели в будущее выпученными от счастья глазами. А штаб-квартира милостиво терпела эту понизовую вольницу. И делала вид, что одобряет «инициативу на местах». И утверждала смелые планы, и внедряла хитровыдуманные рацпредложения. Штаб-квартира ждала, пока эти дураки не раскрутят производство на всю катушку.

А дураки, не будь дураками, мечтали забалбесить в нашей глубинке образцовый завод-чемпион, отхватить кучу бонусов, прославиться и вернуться на родину героями, научившими русских медведей крутить гайки лучше всех на свете.

Ну что, у них получилось.

А потом, как всегда бывает в сказках, сказка кончилась. Завод, получив сильнейшего пинка на старте, клепал цитрусы с дивной скоростью и волшебным качеством. О качестве много говорили, им восхищались, его ставили в пример. Шутка ли, благодаря нашему заводу русские начали гордиться понятием «русская сборка». На тот момент в России собирали автомобили разных марок вполне терпимо, но без фанатизма. А мы просто уложили на лопатки всех, даже немецких турок и турецких чурок. Это был прорыв в федеральном масштабе. С завода не вылезало телевидение, сюда приезжал то ли премьер, то ли президент, кто их нынче разберет... Кончились хохмочки про «руки из задницы», стихли разговоры о том, что национальный характер мешает нам ставить вещи на поток, если, конечно, вещи – не автоматы Калашникова. Оказалось, мы все можем.

Инерции хватило на годы. Но атмосфера в коллективе необратимо портилась. У коллектива возникло нехорошее чувство, будто Дон Маклелланд его предал. Сдал пиндосам. Вскоре после запуска конвейера на полную мощность весь цвет старой управленческой команды разъехался из города, кто обратно в Штаты, кто в Европу. Следом умотало немало русских, естественно – лучших. А на заводе воцарился мистер Джозеф Пападакис, за ним приперлись еще морды с фальшивыми улыбками до ушей, и начался тотальный когнитивный диссонанс.

При Дональде русским понадобилось время, чтобы понять: улыбки американцев – не обман, это насквозь позитивные ребята, убежденные, что все будет зашибись, надо только вкалывать. В трудные дни американцы «держали улыбку», а улыбка держала их в тонусе, помогала выстоять, вытерпеть, преодолеть. От одного их вида поднималось настроение. Их тут полюбили, черт возьми...

«Новые» американцы оказались какие-то неправильные: теперь настроение падало.

Совсем оно рухнуло, когда дирекция похмелилась, акклиматизировалась и развила бурную деятельность по имитации бурной деятельности.

* * *

– Ссылные? – переспросил я.

– Конечно. Ссылные, – повторил Кен. – Вот и лопаются от злости, и глядят на вас, как на дерьмо. Ваши наглые русские морды каждый день им напоминают, что они – пролетели. У них в обрез хватает мозгов это понять. За что их так наказали – это им уже недоступно. Отчего они злятся еще больше.

– Ну так кто они? Штрафники какие-нибудь? На грани увольнения?

– Ах, если бы... – Кен грустно улыбнулся. – Сам, что ли, не видишь, это обыкновенные пиндосы. Некоторые даже ничего. Пападакис вообще добрый мужик.

– Слишком мудрено для меня.

– Это просто менеджеры, которые переросли рамки своей компетенции. Знаешь «Закон Паркинсона»? Поверь, в штаб-квартире тоже читали эту книжку и стараются с Законом бороться. Хотя бы снизить вред от него. А иногда пробуют обратить вредные эффекты себе на службу. Кое-что получается... Вспомни хотя бы, как русский штафф ответил на появление Кодекса. Показали себя во всей красе, да? Сунули фигу под нос пиндосам. По сей день любой задрипанный слесаришка, который вчера из «учебки» пришел, так гордится этим шоу, будто сам принимал участие. Это был фарс, потом был скандал, это было круто, ага? Только извини меня, но Кодекс не мытьем, так катаньем подписан всем штаффом, до последнего дворника! А когда пришло наше время, его подписали и Женька с Михалычем, и мы с тобой. Значит, штаб-квартира добила своего. Она конкретно нас с тобой поимела, Миша! И мой отец подписал Кодекс. Плевался, но подписал... А как тебе борьба за креативность и прочая фигня? Ты ведь не думал поднять ребят на забастовку против идиотизма? Естественно: ты знаешь, что они бы и не пошли. Они не поймут, зачем это – бороться с идиотизмом, когда вокруг сплошной идиотизм. И пиндосские закидоны они терпят, глядя на то, как опиндосел русский менеджмент. То есть опять штаб-квартира нас с тобой сделала. Это не парни с конвейера, это мы с тобой лично все слопали – и креативность, и эффективность. А ведь это звенья одной цепи, друг мой Мишка. И без пиндосов тут – никак. Они полезные для компании, наши пиндосы. Хотя раньше были вредные...

Я слушал и боролся с желанием ущипнуть себя. Все стало ясно. Просто, как болт. И тем не менее похоже на дурной сон. Потому что как-то слишком обидно. Поперек национального менталитета.

Наши пиндосы оказались глуповаты для высоких должностей, а штаб-квартира это прошляпила. Компания большая, менеджеров много, за всеми не уследишь. Они верные, они исполнительные, просто тупые. Особых косяков за ними нет, напротив, есть желание стараться и трудиться. Имеется в итоге негодный материал, выгнать который слишком дорого: по судам затаскают. И чисто по закону окажутся правы, отсудят кучу денег. Вот их и шлют на периферию. Ведь Россия – это огромный рынок, но сама по себе – второсортная страна, которая никогда не оторвет задницу от лавки, потому что ей собственная власть не позволит встать. И народ здесь недобрый, от него так и жди подлянки. Гиблое место. Унылое место. И посылают к нам тех, кого дешевле послать к нам, чем послать на три буквы. По доброй воле на Русь едут только поднимать производство с нуля, и обычно это авантюристы да пассионарии вроде папаши Маклелланда. Тут можно быстро и круто выдвинуться, если ты не трус, готов рисковать и брать на себя ответственность. А можно и задвинуться – так же быстро и круто. Зато игра стоит свеч.

Но когда все налажено и пошло по колее, от пассионариев уже толку никакого, а то и прямой убыток. Их надо отзывать и заменять пиндосами, которые, может, и тормознутые, как наш Пападакис, зато четко понимают, кто начальник, а кто дурак. Чего у пиндосов не отнять, они прямо-таки в момент создают где хочешь устойчивую «пирамиду власти» и прекрасно договариваются с местными кретинами. А местные кретины охотно скручивают туземных рабочих в бараний рог. Так достигаются стабильность и управляемость. Штаб-квартира понимает это лучше всех, опыт накоплен огромный и сбоев не было. В фазе строительства завода тут нужны были американцы. В фазе эксплуатации – строго пиндосы. «Такие дела, Миша», как говорил американский классик...

Такие дела.

* * *

Туфты и показухи при Дональде не было, смысл ее не укладывался в головах, поэтому наши заподозрили, что у «новеньких» есть Хитрый План Б, и поначалу не особо роптали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.